

В момент, когда Лун Сяюань не знал, что предпринять, дева Шань прошла к беседке и опустилась перед монархом на колени:

— Скромная наложница приветствует Ваше Величество. Да здравствуйте наш император.

— Можешь подняться, — равнодушно кивнул мужчина.

Женщина поднялась, одарив супруга приятной улыбкой. На лице гаремной жительницы более не читалась слабость. Цвет кожи выровнялся, не напоминая о болезненной бледности, что постигла несчастную во время отравления. После громкого происшествия женщина стала куда спокойнее и осмотрительнее.

— Ваше Величество, позвольте заметить, я впервые вижу кронпринца и обязана сказать, что он очень мил, — глаза гаремной жительницы светились неподдельным восторгом, а губы изогнулись в легкой улыбке. Наложница с почтением и только свойственной женщинам радостью смотрела на малыша.

Лун Сяюань и сам уделял больше внимания сыну, посему в ответ на похвалу супруги только равнодушно кивнул.

— Погода сегодня на удивление хороша, — шагнув в сторону императора, весьма непринужденно начала беседу наложница Шань. — И отлично подходит для прогулки маленького принца. Думаю, поэтому он выглядит таким оживленным.

Тон женщины оказался на удивление мягок и благодушен, а предметом обсуждения стал малыш. Дева Шань весьма органично вписалась в обстановку, медленно, ненавязчиво выводя Сяюаня на разговор. Тем самым она отчасти расположила к себе монарха, да так, что император несколько раз вполне осознанно ей ответил.

Однако маленьким детям нельзя слишком долго находиться на воздухе, поэтому встреча императора с наложницей стала недолгой. Для Сяюаня состояние малыша куда важнее, нежели странная беседа с женщиной, которую он и видеть-то не хочет.

Дева Шань заметила, что кронпринц притомился и начал клонить голову ко сну, поэтому как мудрая женщина, поспешила попрощаться с монархом. В это раз она не сделала ничего, что могло бы расстроить Сяюаня, предлагая тому одному отправиться во дворец императрицы.

Около десяти дней после сегодняшней встречи император брал кронпринца на прогулки, время от времени сталкиваясь с наложницей Шань. И пока та не заводила разговора о чувствах и прочей милости, Сяюань не противился ее компании. Женщина показала себя благоразумной и радеющей за династию. У императора попросту не нашлось причин на нее злиться.

Да и сама наложница, казалось, все прекрасно понимала, поэтому не заводила опасных тем и не кидалась двойственными фразами. В основном она вела разговор о детях. О том, что полезно и можно малышам. А также не уставала на удивление естественно восхищаться принцем. Чем почти развеяла неприязнь в душе императора к своей персоне. Как-то Сяюань поймал себя на мысли о том, что ожидает очередной легкой, уводящей его от печали разлуки, беседы.

Новости с фронта в основном приходили хорошие. Армии провели еще два сражения. Варвары попытались штурмом вернуть захваченные ранее поселения, но не смогли продумать стратегию, из-за чего попали в ловушку и потеряли значительную часть войска.

Однако чего Лун Сяюань не знал, так это осведомленности Ши Цинчжоу о делах во дворце. Конечно, он догадывался, что предусмотрительная императрица не оставит запретный город без доверенных глаз, но не думал, что наблюдали они в основном за ним самим.

Сидя в высоком шатре, императрица смотрела на стол, где из песка некоторые умельцы сформировали горы, и обдумывала дальнейшие действия армии. В это время к молодому человеку пришел доверенный, что передал послание от Ин Цю. Как заместитель главы теневой стражи он остался во дворце, с двумя указаниями: первое — сообщить, если что-то в запретном городе и столице пойдет не так, второе — следить за действиями императора. Цинчжоу очень хотелось знать, как будет вести себя Лун Сяюань после его отъезда. Будет ли злиться или скучать по нему?..

Будет ли ждать новой встречи, прямо как сам Цинчжоу?..

В дни, когда армия приступает к активным действиям, императрица не чувствует тревоги. Разум и душа воина спокойны. Но вечерами, когда из развлечений Цинчжоу доступны только рассуждения о наступлении, становилось до боли одиноко. С момента, как Сяюань изменил свое отношение, они всегда вместе ели, каждую ночь засыпали в одной постели. Цинчжоу не оловянная кукла, чтобы с легкостью откреститься от чувств. Тем более что в памятный день рождения они с императором дали друг другу обещание быть вместе до конца своих дней.

Ши Цинчжоу доверяет супругу. И очень по нему скучает...

Получив очередное донесение из дворца, императрица отослала доверенного и тут же развернула бумагу. Парень и сам не поверил тому, что его сердце стало биться в несколько раз быстрее, предчувствуя новости о супруге.

Но едва взгляд прошелся по аккуратно выведенным иероглифам, как глаза сузились до щелочек. Ши Цинчжоу несколько раз перечитал абзац о частых встречах монарха с наложницей Шань. О том, что они мило беседуют, прогуливаясь по императорскому саду.

В глубине души воина поселилось недовольство, но внешне он остался спокоен. Ведь безразличие Сяюаня к наложнице также отпечаталось в записке. Император держит свое слово, не проявляя интереса к бывшей любовнице. Но Цинчжоу все равно немного переживает,

ведь строптивую девицу не стоит сбрасывать со счетов. Ранее, в силу оказанной милости, она вела себя эгоцентрично, но не глупо. И за несколько месяцев без любви монарха женщина поняла, как порой тяжело добиться чувств от мужчины, что не проявляет к тебе симпатии.

В понимании императрицы наложница Шань уже должна была все осознать и понять. Когда Сяююань дарил ей свою любовь, она с легкостью им пользовалась. В какой-то момент посчитав, что милость Его Величества принадлежит ей одной. Безнаказанность пробудила высокомерие и властность. Допустив ошибку, женщина осталась ни с чем.

Однако наложница Шань мудрая змея. Она точно усвоила кровавый урок и сменила тактику. Вместо напора избрав мягкость, она выбрала поистине удачное время для атаки на сердце Его Величества. Момент, когда основной соперник далеко. Момент, когда Лун Сяююань один...

Итак, из-за отъезда возлюбленного император стал тише и печальнее. Его сердце тоскует, а мысли далеки от насущных дел. Женщина четко подгадала момент, напав когда Сяююань хочет получить привычное тепло и привязанность.

Пальцы Цинчжоу до дрожи сжали несчастный клочок бумаги, а взгляд преисполнился холодом. Что наложница Шань предпримет дальше? Как далеко зайдет? И что будет делать Сяююань? Сможет ли он сдержать обещание?..

Что ж, для Цинчжоу это прекрасная возможность испытать терпение супруга. Проверить, можно ли тому доверять. Но... сердце императрицы все равно атаковали злость, печаль и чувство принадлежности. Этот мужчина уже пообещал ему свою душу и жизнь. Он его, ведь так?

Сделав несколько глубоких вдохов, Цинчжоу сложил записку и уничтожил ту в огне. У него еще много дел. Нужно продумать следующую атаку. Только вот... черт возьми, он совсем не может успокоиться!

Пока Ши Цинчжоу пытался справиться с демонами, Лун Сяююань закончил с обязательными делами и решил немного прогуляться за пределами дворца. Переодевшись и взяв с собой нескольких теневых стражей, включая Ин Цю, он вышел на одну из главных торговых улиц столицы. К сожалению, император не знает, сколько из доблестных рыцарей уже присягнули Цинчжоу. Книга никогда не поднимала этот вопрос, как значимый. Монарх лишь заметил, что давно не видел Ин Фэна, а значит, тот как-то связан с его возлюбленным. И это отчасти хорошо. Сяююаню нечего скрывать, да и за последний месяц в его жизни и жизни дворца не произошло ничего значимого.

Лун Сяююань искренне любит Ши Цинчжоу. И пока его сердце отдано одному человеку, ничего предосудительного, того, что могло бы опозорить его в глазах императрицы, не произойдет. Боги, как же Сяююань по нему соскучился...

Император все понимает. С самых древних времен война имела место быть и порой длилась годами. Поэтому кто знает, когда вернется Цинчжоу. Когда Сяюань сможет вновь сжать его в своих объятиях. Пока прошло чуть больше месяца или около того. Казалось бы, не срок. Но в разлуке время идет слишком медленно.

Погрузившись в воспоминания о том, как прогуливался по этой улице с Цинчжоу, Сяюань не сразу заметил небольшое столпотворение. Люди что-то горячо обсуждали, но не они привлекли его внимание. Навстречу монарху двигался крайне расстроенный чем-то худосочный молодой человек.

— Черт... — тихо выругался парнишка, проходя совсем рядом, и у императора на мгновение замерло сердце. Он ведь не ослышался? Это ведь тот самый акцент... Манера речи...

Люди говорят, что одной из самых больших радостей считается встреча с добрым другом на чужбине. Говорят, что это сродни приветствию дождя после многолетней засухи. И если честно, раньше, Сяюань считал, что сие сравнение преувеличено. Но сейчас понял, что оно недостаточно раскрывает эмоции.

В первые месяцы своего пребывания в мире, император отчаянно боролся за жизнь и чувствовал себя одиноким. Он всегда мечтал встретить такого же, как он. Того, кто поймет, какого это приспособиваться в новом мире. Особенно сейчас, когда на душе так тоскливо...

Выругавшийся парнишка быстро скрылся в толпе. Его скорость и проворность показались монарху интересными. Сам он вряд ли поспеет за гостем из реального мира.

— Ин Цю, — прошептал правитель. — Следуй за этим человеком. И ни в коем случае не упустить из виду.

— Есть! — в конце концов, долг теневого стража заключается в том, чтобы беспрекословно выполнять поручения господина, даже если те кажутся странными. И как только император отдал приказ, Ин Цю сорвался с места, оставив от себя лишь быстро растворившуюся в воздухе тень, которая не была видна тем, кто не владел боевыми искусствами. В том числе и Сяюаню.

Немного повеселевший, молодой правитель с куда большим энтузиазмом шагал по улице, прислушиваясь к торговцам, заглядываясь на диковинные товары. А где-то через полчаса обратился к еще одному своему охраннику: «Иди и найди Ин Цю».

— Есть! — отозвался страж и исчез в воздухе, следуя оставленным коллегой подсказкам. А где-то через полчаса Сяюань и сам стоял перед маленьким кабачком, что находился в одном из проулков необъятной столицы. Не так далеко от основной улицы, чтобы место считалось опасным. Не так близко к основной дороге, чтобы быть оживленным.

Сяюань оценил двухэтажное деревянное здание и с легкой улыбкой прошел внутрь. На пороге императора встретил приклонивший колени Ин Цю. Шепотом сообщив номер кабинки, в

которой засел парнишка, страж отошел в сторону, а император прошел наверх. На самом деле он все еще сомневался. В конце концов, догадка была невероятной. И если начать разговор с прямого вопроса, это вызовет ненужные, напрасные подозрения. А цель, как водится проста — выяснить в самом ли деле этот случайный парнишка занял тело другого человека. В самом ли деле его душа пришла из того же что и дух Сяююаня мира?

Немного подумав о том, как лучше проверить мальчишку, Сяююань пришел к двери маленькой комнаты и осторожно постучался.

— Кто? — раздалось из—за неплотной створки.

— Твой друг, — едва заметно улыбнулся монарх.

— Тогда вы точно ошиблись, — протянул подросток. — Я ни с кем здесь незнаком и у меня нет друзей.

— О, даже так... А я уже подумал, что, наконец-то, встретил соотечественника. Могу ли я узнать, где молодой господин научился сему диковинному акценту? — Сдерживать улыбку становилось все сложнее. — Что ж, кажется, это в самом деле недоразумение. Прошу простить за беспокойство. Вот черт...

Изначально парнишку совершенно не интересовал странный незнакомец. И он молил богов, чтобы тот поскорее ушел, но едва не подпрыгнул, когда услышал последнее выражение. И тут же открыл дверь. Его глазам предстал так никуда и не ушедший молодой мужчина, что изучающе смотрел на него пронзительным взглядом.

Легкая улыбка стала шире. Сяююань оценил миловидное, немного удивленное лицо подростка. Мальчишка, очевидно, все еще сомневался. И крайне настороженно смотрел на незваного гостя.

— Так ты... — сумбурно подбирал слова мальчишка. — Только что, это ведь сказал ты?

— Да, это был я, — кивнул император, не торопясь проходить в комнатку трактира без приглашения.

— Мне показалось, или ты странно выругался... ну... в конце.

— Правда? — моргнул мужчина. — Ранее я слышал, как ты точно так же выругался на улице.

— Да? И ты понимаешь, что это значит?

Сяююань взял паузу, прежде чем кивнуть:

— Понимаю, но понимаешь ли что говоришь сам?

Теперь паузу сделал подросток. Он с намеком на восторг посмотрел на того, кто мог стать ему ближе всех в этом мире:

— Ты знаешь о Земле?..

— Привет из Китая, — протягивая руку на европейский манер приветствия, широко улыбнулся император.

Подросток вцепился в ладонь того, чье имя ему было неизвестно и уверенно ту пожал:

— Я из Тяньцзина! Из настоящего Тяньцзина!

— Я из города С, но это уже неважно... Позволишь пройти?

— Конечно! — как только правда открылась, подросток крайне тепло и радушно отнесся к мужчине.

<http://bllate.org/book/14215/1253505>